

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

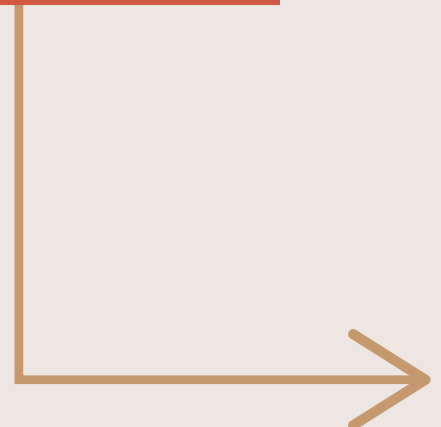
#8

Рассмотрите
возможность
печати только
серых страниц

#3.

ТРИ ГЛАВНЫХ ВОПРОСА

**ПОНИМАЕТ ЛИ
МОЙ ИСТОЧНИК
НА ЧТО
СОГЛАШАЕТСЯ?**

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

#3.

ТРИ ГЛАВНЫХ ВОПРОСА

ПОНИМАЕТ ЛИ МОЙ ИСТОЧНИК НА ЧТО СОГЛАШАЕТСЯ?

Одного “да” недостаточно, чтобы использовать чьи-либо слова или фото в своих материалах. Согласие нельзя считать информированным до тех пор, пока человек не получил весь объем информации.

Сам факт того, что люди соглашаются рассказать свои истории публично или быть запечатленными на фото или видео, не означает, что они действительно понимают, что это за собой влечет. Недостаточно просто сказать человеку, что вы хотите сделать. Не пожалейте времени и убедитесь, что ваши источники понимают риски и имеют реальную возможность сделать выбор. В частности, они должны знать:

- как будет проходить процесс интервью или съемок;
- какие события и детали прошедшего вы планируете обсудить;
- кто сможет увидеть материал и в течение какого времени он будет доступен.

Получение согласия — это возможность, а не препятствие, которое нужно преодолеть. Если ваш источник знает о рисках и полностью согласен, вы получите более сильное интервью.

Стандартный журналистский шаблон получения согласия интервьюируемого исходит из ситуаций, когда репортеры берут интервью у публичных лиц. Часто это влиятельные люди, которые понимают установленные правила игры, привыкли к ним. Основное внимание в этом случае уделяется получению доступа и тому, чтобы политик или бизнесмен сказал как можно больше, желательно «под протокол», с четко указанным именем.

Эта модель не подходит для работы с уязвимыми респондентами, поскольку баланс сил между источником и журналистом меняется на противоположный. Более того, первым приоритетом в ситуациях CRSV должна быть защита анонимности источника. Это означает отказ от ожидания, что пострадавший обязан говорить публично.

С одной стороны, это очевидно. Каждый журналист знает (или должен знать) об этом. С другой стороны, журналист может оказаться в ловушке глубоко укоренившегося в сознании привычного подхода к политическому интервью. Если вы освещаете тему CRSV, возьмите паузу и убедитесь, что идете по другому пути — тому, который можно определить как получение **информированного согласия**:

1. Во-первых, отбросьте идею о том, что информированное согласие — это прежде всего обеспечение доступа и получение согласия на интервью. Это не так. Речь идет о поиске наиболее безопасного решения для взаимодействия, сопряженного с большими рисками. Если ваш источник передумал и стало ясно, что он не хочет говорить, отнеситесь к этому позитивно. Как и на театральном прослушивании, это лишь означает, что человек не подходит на эту роль.
2. Во-вторых, получение согласия не является однократным действием, квазюридической формальностью, которая происходит только в начале разговора. Это непрерывный процесс,

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

переговоры, в ходе которых право сообщать о конкретных деталях разговора или даже о его факте может неоднократно пересматриваться.

Никогда не давите на человека и не манипулируйте им, чтобы заставить говорить о такой интимной теме, как сексуальное насилие. Это должен быть свободный и действительно информированный выбор.

Кто может дать согласие?

Единственный человек, который может дать согласие, – это ваш источник. Если человек является несовершеннолетним или кем-то, кто в силу различных обстоятельств не в состоянии принять полностью информированное решение, вам может понадобиться дополнительное согласие от кого-то из родителей или опекунов.

Но в любой ситуации, если у вас нет информированного согласия от источника, – у вас просто нет согласия. Слова родственника, чье-то адвоката, фиксера или посредника из НПО о том, что интервью можно взять, не являются согласием. Переговоры должны вестись непосредственно с источником.

Если вы работаете с переводчиком, вам необходимо убедиться, что разговор, который он ведет с источником, соответствует тому, о чем вы говорите. Это, как описывает журналистка Jina Moore, может быть непросто и потребовать дополнительных шагов. Возможно, вам придется сказать своему переводчику:

“Простите, что повторяюсь, но я хочу убедиться, что моя цель ясна: «Вот кто я. Вот что я делаю...». И, когда переводчик говорит: «Я уже спросил ее об этом», вы отвечаете: «Я понимаю, но правила моей работы требуют, чтобы я сама спросила ее напрямую. Поэтому, если вы не против, переведите то, что я говорю, чтобы мы могли подтвердить это еще раз...^[a]”.

Порой не совсем ясно, какие силы определяют правила игры в ситуации, и на пострадавших могут оказывать давление, убеждая согласиться на разговор, когда это явно не в их интересах.

Как журналист, вы обязаны изучить все потенциальные источники уязвимости собеседника, прежде чем решить, что у человека действительно есть выбор – дать согласие или нет.

Потенциальный респондент сразу после нападения (в течение нескольких минут, часов, а может быть, и дней), скорее всего, не сможет дать информированное согласие. Возможно, существует способ осветить случившееся через вспомогательную информацию о ситуации, но вы все равно должны быть уверены, что это не приведет к раскрытию личностей пострадавших. В любом случае следует четко понимать, что человек в такой ситуации не в состоянии принять решение о том, отказываться ему от своего права на анонимность или нет. На такое решение нужно время.

Работа с переводчиками

Если вы отправились в регион, где обычно не базируетесь, ваши отношения с местными журналистами и переводчиками, которые говорят на языке и знают местные особенности, имеют решающее значение. Однако исходите из того, что они могут быть не подготовлены к работе с травмирующей темой.

Вы должны убедиться, что тот, кто переводит, понимает следующее:

- Тема может быть сложной с эмоциональной точки зрения.
- Переводчик не должен оказывать давление на пострадавших или использовать разного

[a] In Moore’s article: [Five ideas on Meaningful Consent in Trauma Journalism](#)

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

рода стимулы, чтобы убедить их рассказать свои истории.

- Переводчик должен следовать принципам информированного согласия и учитывать травмирующий характер темы при проведении интервью (ознакомьте их с ресурсами из данного руководства).
- Переводчик не должен расстраивать или выпытывать излишние подробности.

Вы должны подробно и заблаговременно спланировать, как вы собираетесь проводить интервью, – вплоть до того, чтобы прорепетировать свой сценарий действий. Проведите подробную беседу о рисках и местных культурных нормах. Попросите вашего гида прокомментировать, как вы справились с задачей, и спросите, не трудно ли ему вас переводить. Чем больше доверия в ваших отношениях, тем лучше. Вам также следует поинтересоваться у гида, тяжело ли ему эмоционально справляться с этой работой и не видит ли он потенциальной опасности лично для себя или своей семьи.

Что делает согласие информированным?

Если кто-то соглашается говорить, это еще не значит, что он полностью осознает, какие последствия это влечет.

Источникам может быть непонятен процесс интервью: о чем вы собираетесь спросить, насколько это может быть болезненно, как дальше будет использован их рассказ. Идея заключается в том, чтобы избежать неожиданностей, всего того, что может причинить вред в дальнейшем. Убедитесь, что и вы, и ваш респондент четко понимаете следующее:

- Какова цель разговора?
- Кто в нем будет участвовать?
- Есть ли какие-то «запретные зоны», о которых пострадавшие предпочли бы не говорить?
- Кто увидит материал (и кто может его увидеть в интернете в любой точке мира)?
- Если это фильм, то как долго он будет доступен для просмотра и как будет распространяться?
- Как будет защищена анонимность пострадавших?
- Существует ли вероятность того, что пострадавших опознают, и они будут подвергаться оскорблениям и преследованиям в интернете?

Если вы используете изображения, полезно было бы поделиться своими планами визуализации истории и заранее показать, как мир увидит жизнь респондентов и жизнь их общин. Журналисты, освещавшие изнасилование езидских женщин ИГ, думали, что гарантируют анонимность женщин, фотографируя их с закрытыми лицами. Но сами женщины могли четко опознать друг друга по глазам и характерным платкам. [Смотрите [#8](#).]

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Есть крайне важные детали, которые вам хорошо известны, но их необходимо обязательно как можно понятнее и подробнее разъяснить источникам:

- Будут ли в фильме или итоговом репортаже звучать голоса преступников или групп, которые их поддерживают? Обнаружение этого постфактум может стать ударом для пострадавших. Для них может быть очень трудно понять и принцип «права на ответ», и то, почему кто-то вообще может предложить их мучителям возможность высказаться. Лучше всего объяснить это на раннем этапе.
- Есть ли скрытые ожидания, которых вы не учли? Считает ли ваш респондент, что разговор с вами принесет непосредственную помощь его общине? Или они ожидают от вас постоянной психологической поддержки или дружбы, которые вы не в состоянии предложить? [Подробнее об этом – в разделе #6].
- Журналисты редко задумываются о юридических последствиях своих бесед с жертвами CRSV. Если ваш источник намерен добиваться справедливости в суде, то разговоры с журналистами могут отрицательно сказаться на рассмотрении дела. Вы также должны знать, что все ваши записи и исходники могут быть признаны уликами для предъявления следствию.

Судебный процесс и опасность многократной дачи показаний

Юридический процесс, добивающийся справедливости для пострадавших от насилия, иногда может быть скомпрометирован многократными показаниями. Колумбийская журналистка Jineth Bedoya Lima объясняет это следующим образом:

«Это одна из самых больших проблем, с которыми мы сталкиваемся в случаях сексуального насилия.»

В Колумбии закон гласит, что жертвы не обязаны давать показания о событиях более одного раза. Однако почти все пострадавшие вынуждены повторно излагать свою версию более четырех раз, что, естественно, приводит к противоречиям в изложении и зачастую отрицательно влияет на ход судебного разбирательства, а интервью СМИ еще больше усугубляют ситуацию.»

К сожалению, журналисты используют неточности в свидетельствах, пытаются воссоздать «реальную картину» произошедшего, но в итоге это приводит к закрытию дел.»

Аналогично, рассказ о преступном акте насилия вне судебного разбирательства дает преступникам информацию для аргументации своей защиты и зачастую строить свои показания на "противоречивых" историях потерпевших в интервью СМИ. Судьи никогда не принимают во внимание обстоятельства, связанные с тем, как, в какое время и в каком месте пострадавшие давали показания перед камерой. И совершенно очевидно, что история, рассказанная в интервью журналисту, будет отличаться от беседы с психологом или медицинским экспертом».

Jineth Bedoya Lima, которая участвовала в нашем исследовании, дважды оказывалась в заложниках в Колумбии – в мае 2000 года и в августе 2003 года. В 2001 году она была награждена премией за журналистскую храбрость (Courage in Journalism Award), учрежденной **International Women's Media Foundation**. Она также стала обладательницей **Golden Pen of Freedom award of World Association of Newspapers and News Publishers** в 2020 году.

#1

#2

#3

#4

#5

#6

#7

#8

Дополнительные материалы: информированное согласие

Jina Moore, an American journalist based in East Africa contributed to this consultation. She explores Jina Moore, американская журналистка, работающая в Восточной Африке, внесла свой вклад создание настоящего руководства. Она более подробно рассматривает вопросы получения разрешения от пострадавших в двух полезных статьях: [The Pornography Trap](#) in Columbia Journalism Review; [Five Ideas on Meaningful Consent in Trauma Journalism](#).

ПОДЕЛИТЕСЬ
СТАТЬЕЙ:

